

Игорь Шестков "Пальцев"

ПАЛЬЦЕВ

Я даже имени его не знал. Фамилия его была – Пальцев. Кличка, естественно – Палец. С ударением во всех падежах на последнем слоге.

Учителя говорили: «Пальцев, к доске!» Или: «Пальцев, не ковыряй в носу!

Пальцев, сядь нормально и слушай!» Но никогда его имени не называли. Хотя многих других школьников – и любимчиков и хулиганов звали по имени – они, мол, всем известны. Имена любимчиков произносились ласково, интимно, имена прогульщиков, хулиганов – с интонацией дикторов центрального телевидения, когда они кого-нибудь клеймят, например, израильскую военщину или режим Смита. А Пальцев был вне добра и зла. Он был Пальцев. Чудик. Не от мира сего. Придурок! Хотя дураком он не был и все это прекрасно знали. В редкие минуты «присутствия на земле» был он сосредоточен, задачи по арифметике решал быстро, только всегда не так, как требовали учителя. Иногда они его даже не понимали, слишком нестандартно было мышление этого пятиклассника. Но обычно дух его витал в небесах, а брэнное тело ковыряло в носу, сидело не нормально, учителей не слушало и подчас само, без помощи соседей, падало на пол.

Одноклассники жестоко травили «Пальца». Травля начиналась до уроков, шла весь школьный день и продолжалась нередко и после занятий. Называлось это на классном жаргоне «травить Пальца до смерти». Как только его тощая фигура появлялась в дверном проеме нашего класса, полагалось громко крикнуть: «Палец пришел! Трави Пальца!» После этого надо было ухитриться вырвать у него ранец и начать дразнить, а когда он подбежит, чтобы вырвать ранец из рук обидчика, бросить ранец другому, сопровождая это комментариями вроде: «Палец, ну что ты травмишься? Никто у тебя ранец не собирается отнимать, ну, подойди, возьми ранец, возьми! А, не можешь? Тебе мама на завтрак что положила? Бутерброд? На скушай! Что, съел? Трави Пальца до смерти! До смерти трави!»

Пальцев знал, что его ожидает в классе. Знал, что у него вырвут ранец. Сопrotивлялся. Упорно, безнадежно. Подбегал к обидчику, пытался схватить ранец за лямки, схватив, тянул к себе. Но как-то робко, заторможенно. То ли в руках у него была слабина, оставшаяся от перенесенного в детстве полиомиелита, то ли он боялся по-настоящему агрессивно отвечать на травлю. Единственное возможное средство против травли – взять себя в руки, не бегать собачкой от одного к другому, не выть, просто сесть за парту и подождать, пока все уляжется – было почему-то ему недоступно.

Все его движения были странно замедленными. Именно эта замедленность всего его существа больше всего раздражало его одноклассников. Инстинкт заставлял их травить чужака, чье присутствие нарушало психическую и пространственно-временную стабильность их ординарного мира.

Ранец летал как бабочка от одного школьника к другому. Пальцев тяжело бежал за ним. Пыхтел. Пытался догнать ускользящее мгновение. Ускорялся. Может быть мы хотели от него этого ускорения? Или превращения его в одного из нас – все мы были моторными психопатами. А он был каким-то Буддой.

Иногда он явственно «застревал» в чем-то для нас невидимом, погружался в себя и забывал и о ранце и о травле. В такие мгновения он шептал, делал руками странные движения, как бы писал на доске, отвечал кому-то. В этом случае полагалось «оживить Пальца», т.е. ткнуть его пару раз ранцем в лицо.

Желательно пряжками в нос. Чтобы он очнулся и дальше травился.

После «оживления» Пальцев разъярялся и бросался на обидчика, подняв обе руки вверх, как распятый апостол Андрей. Но не бил. Никогда и никого. Вообще ни к кому не прикасался. Прикосновения были для него табу. Как будто он боялся повредить пыльцу на чьих-то невидимых крылышках. Одноклассники это знали и травили его без опасений, что он в один прекрасный момент распихуется и ударит кого-нибудь кирпичом по голове. Травля продолжалась обычно до того момента, пока в классе не появлялся учитель. Пальцева оставляли в покое до перемены. Хотя иногда его «дергали» и на уроках. После звонка травля начиналась с начала.

Травили Пальцева все мальчики нашего класса – и хорошие ученики и плохие, и хулиганы и «школьники примерного поведения», травил и я. Травля слабого

давала своеобразную психологическую фору. Не меня ведь травят! А Пальца. Он не такой как все, значит его надо травить. Его все травят. И я травлю. Я участвую в том, что делают все. Я часть. А Палец – сам по себе. Пусть за это и получает. Его не жалко.

Для трех моих одноклассников травля Пальцева стала главным содержанием школьного дня. Одним из них был хорошист Лусев, вторым – хулиган и троечник Ашкенази, третьим – двоечник Петя Тужин по кличке «Петух». Лусев был лицемер, законченный мерзавец, садист. С учителями он был сдержан, умен. С сильными учениками – прост, с средними и слабыми – высокомерен. Сквозь Ашкенази, казалось, дул криминальный ветер. Он не был садистом, как Лусев, просто у него не было никаких других жизненных мотиваций кроме злых. Лусев и Ашкенази соперничали. Травить «чудика» было гораздо проще, чем выяснять друг с другом отношения – их силы были примерно равны. Петух сам был «слабаком» и травил Пальцева, потому что боялся, что одноклассники начнут травить его самого.

Мои одноклассницы в травле Пальцева не участвовали – они были заняты выяснением отношений между собой. У них тоже была жертвочка – Юлия Бернадская, прозванная «Ссычкой» за случившуюся с ней еще в первом классе на уроке неприятность. Это была чрезвычайно застенчивая девочка из семьи инженера. Один раз я видел ее отца на классном собрании, куда ученики должны были явиться с родителями. Это был маленький еврей, худой, запуганный. Он все время потирал красные потные руки, ерзал на стуле, когда речь шла о его дочери (училась она посредственно), видно было, что он боится нашу классную руководительницу – дородную учительницу истории Клавдию Дмитриевну. Девочки Юлю не травили, а умеренно третировали. Кидали в нее бумажки, говорили о ней как о последней дуре, неряхе, уродине, иногда, желая унизить, называли в лицо Ссычкой. Но часто оставляли в покое. Мальчики Бернадскую до поры до времени просто не замечали. Все изменилось, когда у нее стали расти груди.

Лусев заметил это первый. «Димыч, – сказал он мне на перемене. – Посмотри на Юльку! Вот это буфера! Знаешь, что еврейки всегда теплые? У евреек всегда течет!»

Я не знал, что сказать. Не понимал, что значит «теплые», что «течет». Но почувствовал, что Лусев сказал гнусность.

«Ты, Лусев, у тебя самого не течет?»

«Течет, течет, еще как течет...»

Проговорив это, он удалился. На конфликт не пошел.

Вот сволочь, подумал я. Надо будет найти повод и дать ему в морду.

Когда Юля проходила мимо, я незаметно взглянул на нее и сразу заметил, что Лусев был прав. Под школьной формой колыхались два увесистых холмика. Это взволновало меня. Захотелось положить на холмики руки и сжать их пальцами. По животу прошла судорога. Я невольно закрыл глаза. Проглотил слюну. Юля заметила мои гримасы, грустно посмотрела в мою сторону и быстро пошла дальше. На ее бледном лице не появилось даже следа женского удовлетворения – знаю, мол, что ты хочешь! Только печаль и страх новых осложнений и унижений.

В тот день Пальцева травили особенно жестоко. Он травился, мычал, размахивал как Дон Кихот длинными руками. Перед звонком Лусев демонстративно вытряс на пол содержимое его ранца. Ашкенази ударил выпавшие учебники ногой. Учебники разлетелись по классу как птицы. Одна книга разорвалась пополам. Петух схватил сверток с завтраком Пальцева, развернул его и принялся, по клоунски ухмыляясь, есть бутерброд. Я заметил, что Юля Бернадская не смотрела на травлю, как другие, а отвела глаза.

На перемене о Пальцеве забыли. Может быть забава надоела или что-то отвлекло. Школьный мир волновался как шарик ртути на руке – малейшее движение приводило к фатальным изменениям.

Первый урок тянулся бесконечно долго. Учительница биологии рассказывала о размножении кольчатых червей. Потом была арифметика. Тут мне было легче, потому что нужно было думать, а не просто тупо запоминать. Любимыми педагогическими высказываниями нашего учителя Федора Федоровича были: «проще пареной репы» и «как об стенку горох». Он говорил: «Тужин, сложить одну вторую с одной третьей не можешь, а ведь это проще пареной репы! Но тебе ведь и объяснять бесполезно – как об стену горох!»

Я представлял себе огромную вареную репу. Репа лежит на столе, от нее идет

пар. Федор Федорович режет ее ножиком. Внутри репа гладкая и действительно очень простая.

«Проще пареной репы!» – говорит Федор Федорович. Рядом с репой лежит открытый мешок сухого разноцветного гороха. Федор Федорович запускает в него волосатую руку и достает горсть. Потом бросает горох яростно в стену. Горох отскакивает от стены и с противным шелестом рассыпается по полу. «Как об стену горох!» – подтверждает учитель горестно.

После третьего урока была большая перемена – двадцать минут. Можно было расслабиться. Даже тайком из школы выйти и сбежать к универмагу «Москва», купить пирожок с мясом или с повидлом. К универмагу я не побежал, решил просто постоять в зале у окна.

Стою, смотрю. Отдыхаю.

Подходит ко мне Петух и говорит: «Димыч, пошли в тупик, там ребята Юльку зажали – за сиськи лапают. Пошли, пока не убежала!» Сказал и смылся.

Я пошел вверх по одной из школьных лестниц. На последнем, пятом этаже школы был актовый зал. Когда его двери были закрыты, перед ними образовывался «тупик», о котором говорил Петух. Тупик ограничивали: стена, огромные двери в актовый зал и стальная решетчатая дверь на чердачную лестницу. Учителя и школьники младших классов туда не заходили, старшеклассники предпочитали курить на улице или в туалете. Тупик был свободной зоной для нас, пятиклассников. Там сводили счета, играли на деньги в «трясучку», изредка торговали сигаретами или почтовыми марками. Девочки туда не ходили. Боялись. Не знаю, как удалось Лусеву заманить туда Юлю. В том, что это была его идея, я не сомневался. Ашкенази был зол, но прост. Петух – просто дурак.

Поднимаясь по лестнице с четвертого на пятый этаж, я прислушивался – сверху ничего не доносилось. Не наврал ли Петух?

Достиг, наконец, тупика. Петух не наврал. Юля стояла, привязанная за руки к решетке. Измочаленная школьная блуза была стянута на лицо – своих мучителей она не видела. Старый белый бюстгальтер мотался на шее. Лапали трое – Лусев, Ашкенази и Петух. Молча хватали за груди. Схватив, отпускали. Потом опять хватали. Схватить было не легко, потому что Юля брыкалась и выкручивалась,

несмотря на связанные руки. Пыталась ударить коленом в пах. Я видел, как Лусев схватил Юлю за сосок. Крутанул его, как выключатель. Юля глухо застонала. Лусев схватил ее и за другой сосок. Тут Ашкенази отодрал его руки от Юли и схватил груди сам. Потянул их на себя.

Меня охватило бешеное желание. И, одновременно, – отчаянье и ужас.

Как шальной подскочил к Юле, отпихнул остальных и схватил ее за груди. Сжал в ладонях. Мне представилось, что ее груди состоит из мягкой резины, сваренной из молока. Внутри них нащупывались как бы нежные яблочки. Их хотелось взять в рот и надкусить. Я неловко поцеловал Юлю в сосок. Меня ударил электрический ток. Такого блаженства я еще не испытывал. Я чувствовал себя одновременно и садистом Лусевым и хулиганом Ашкенази, дураком Петухом и несчастной Ссычкой. Господом Богом в экстазе вечного оргазма и Сатаной в содрагании вечной муки.

Тут Юля попала мне коленом в пах. Я выпустил ее, согнулся и отошел в сторону. Ее сейчас же облепили другие. Неожиданно в тупике появился Пальцев.

«Вы что, что тут делаете? – воскликнул он скрипучим высоким голосом и добавил. – Гады!»

«Отвали, Палец! Твоя очередь еще придет».

«Ах, гады!»

Сказав это, Пальцев бросился на лапающих, забыв, вероятно, в пароксизме гнева о табу на прикосновения. Он вел себя так, как будто кто-то вложил в него уверенность и силу.

Отбросил Петуха в сторону. Петух стукнулся головой о кирпичную стену.

Схватил квадратного атлета Ашкенази, отодрал его от Юли, заломил ему назад руку и дал крепкого пинка в зад. Тот не ожидал от Пальцева такой прыти. Упал в углу тупика. Подвернул ногу. Завопил.

Лусев всего этого не замечал. Он лапал как одержимый. Пальцев налетел и на него, оттащил от девочки. Они сцепились. Упали. Покатались. Тут поднялся Ашкенази и ударил Пальцева ногой в бок – по почкам. Полез к Юле.

В этот момент решалась моя судьба. У меня не было времени трусить. Или надо было встать на сторону Ашкенази и Лусева или заступаться за Пальцева и

Бернадскую. Я бросился на Ашкенази. Получил удар под дых. Это называлось у него – ударить «в душу». Задохнулся. Потом – по ребрам («в торец»). Переборцов боль, увернулся от третьего удара и схватил Ашкенази «стальным зажимом» за шею. Начал жать. Он не сдавался. Прохрипел: «Отпусти, убью!» Я сжал еще крепче. Он закатил глаза. Тут я, наконец, услышал страшный крик Клавдии Дмитриевны. Она кричала мне в ухо: «Отпусти его, ты его задушишь!» Отпустил. Ашкенази был без сознания. На его лице застыла презрительная улыбка. Очнулся он минут через пять.

Я огляделся. Вокруг сновали учителя. Юлю развязали, увели. Петух убежал, по-видимому еще до прихода учителей. Пальцев и Лусев еще дрались. Лусев бил Пальцева кулаком в живот, тот кусал Лусева в плечо и царапал ему щеки. Их растащили.

Потом нас повели к директору, по кличке «Керогаз». Туда же привели и испуганного Петуха. Керогаз наорал на всех, вызвал в школу родителей. На следующий день родители Юли забрали ее из нашей школы. Впоследствии ее семья была одной из первых, покинувших СССР в 1969-ом году. Юля закончила школу в Израиле и университет в Торонто. Стала врачом. Ашкенази из школы исключили. По совокупности заслуг. Он перешел в другую школу, но до аттестата не доучился, попал в колонию для несовершеннолетних преступников. Петуха тоже исключили за не исправленные двойки по английскому и арифметике в году. Пальцев покинул нашу школу перед седьмым классом – перешел в соседнюю математическую. То же сделал и я. Лусев выкрутился. Он благополучно доучился и стал после окончания юридического факультета МГУ следователем уголовного розыска.

В математической школе Пальцева не травили – кроме него там было много других «чудиков». Мы познакомились. Несколько раз разговаривали. Я узнал, что его зовут Володей. Что он интересуется астрономией и индийской философией. Что он прочитал книгу Зельдовича «Высшая математика для начинающих» и части Махабхараты. В подходящий момент я попытался расспросить его о старой истории. Спросил его, как он узнал тогда, что Юлю мучают, почему не побоялся прийти на помощь, почему терпел, когда его травили?

Он ответил вопросом на вопрос: «А почему ты меня травил?»

«Потому что был дурак».

«А ты уверен, что перстал быть дураком?»

«Нет, но кое-чему меня эта история научила».

«Ну вот, тебя – эта история, а меня научили астралы».

«Что ты плетешь? Расскажи подробнее».

«Это началось после моего сотрясения мозга. Меня сбил велосипедист на Ленинском. Сбил и удрал. А я на земле лежал. Когда я в больнице очнулся и глаза открыл, то понял, что я не на земле, а где-то там, на восьмой планете, в системе Сириуса. Что тут на земле – только мое тело. Да и то не всегда. Описать это словами я не могу. Окружающий меня мир стал не таким, каким он был до моего падения. Сквозь него просвечивал ландшафт другой планеты, было видно новое небо. Кроме того, они показывали мне прошлое».

«Кто они?»

«Астралы».

«Ну ты даешь! Кто же это такие, астралы?»

«Хозяева времени. По моему миру они как тени летают. Они время разжимают, как гармошку, или, наоборот, сжимают. Например, видел я Лусева не только такого, каким он в классе был. Видел его дома, видел как его отец тиранил, как он от этого страдал и к этой тирании приспособивался. Менялся. Он, даже когда гадом стал, мать от отца защищал. Заботился о ней. И во время травли, когда я руки подымал, чтобы его ударить, астралы мне как раз эти сцены показывали, как он мать защищает или как он маленький плачет, когда его, шестилетнего, отец порет. И я не мог его тронуть. А с Ашкенази – еще хуже. Его не только били, но с раннего детства пьяные воруги насильовали. У него отца не было, а мать пила и с блатными водилась. А Петуха в его собственном дворе на Шаболовке травили хуже, чем меня в классе. Никто этого не знает, а я это видел».

«А ты меня не дуришь, Палец? Сириус. Астралы. Тебя ведь проверить – проще пареной репы. Если астралы тебе меня тоже показывают... то... то скажи, что я сегодня на завтрак ел?»

«Ничего не ел, ты проснулся, оделся и сразу в школу побежал».

Мне стало не по себе. Я действительно не завтракал. Неужели он не погибает?

Что бы его еще такое спросить?

«Еще один вопрос. С кем я вчера встречался?»

«С Инкой. На Динамо. Ты матери сказал, что на плавание пойдешь, а сам с Инкой поехал».

«Черт! А как тогда с Юлькой было? Тебе что же, и будущее показывают?» – спросил я, удивляясь собственному безумию.

Пальцев замялся.

«С будущим сложнее. Это – как они захотят. Ясно не вижу. Как силуэт или дух... иногда вижу. И тогда, что с Юлей будет... увидел когда меня травили, а она глаза отводила. Ей потом Лусев сказал, что я в тупике стою и вою. Она туда меня выручать пошла».

Так все получалось красиво, что я дальше его расспрашивать не стал. Потом подумал и спросил все таки: «Так ты, что же, и сейчас там, на Сириусе?»

«Ну да».

«И астралов видишь?»

«Вижу».

«И что они тебе показывают? Из будущего?»

«Размыто как-то все. Кажется, Берлин».

«До него, брат, дальше, чем до Сириуса!»

«Как сказать».

Мы распрощались. И с тех пор обменивались только приветствиями или ничего не значащими фразами. Если я видел, что Пальцев на меня смотрит – невольно старался поскорее спрятаться.

Добавить к моему рассказу почти нечего. Окончив школу, Пальцев поступил на геологический. Еще студентом полюбил «Севера». Ездил в экспедиции.

Забичевал и остался в Сибири. В университет так и не вернулся. До сих пор не знаю, дурачил он меня или нет.